

Историческая культурология

DOI 10.34685/ИИ.2021.82.59.002

Селезнева И.А.

Исламское историко-культурное наследие в Западной Сибири

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями истории ислама в Западной Сибири. Представлены материалы, характеризующие феномен книжной культуры мусульман Западной Сибири, традиции создания и ритуального использования местных исламских религиозных текстов. Актуализация и «открытие» священных мест, усиление роли религиозных элит, сакрализация рукописных и старых печатных религиозных книг рассматриваются как факторы формирования исламской религиозной идентичности и важные элементы историко-культурного наследия, созданные и сохраненные многими поколениями мусульман в Сибири.

Ключевые слова: ислам, Западная Сибирь, культ святых, культурное наследие, памятники, рукописи, традиции.

Появившись на территории современной России в середине VII в, ислам становится важной частью российского культурного пространства, вносит свой вклад в формирование как региональной, так и общероссийской идентичности.

Распространение ислама на территории юга Западно-Сибирской равнины стало важнейшим и, без сомнения, общецивилизационным феноменом дорусской государственности. В результате этого процесса сформировался анклав мусульман, являющийся неотъемлемой частью мировой исламской цивилизации. Будучи в определенной территориальной и идеологической изоляции, ислам в Сибири долгое время был практически неизвестен мировой науке.

В конце XX в. британский историк российского происхождения Равиль Бухараев назвал главу своей книги, посвященную исламу в Сибири, “Terra Incognita” [1, с. 251–266]. Несмотря на то, что проблематика ислама в Сибири начала разрабатываться с рубежа XVII–XVIII вв., метафора британского автора отражала тогдашний уровень знаний о Сибири в мировом исламоведении.

Однако вскоре ситуация меняется. В 2000 г. выходит специальный номер французского журнала *Sahiers du monde russe* [2, с. 207–444; 3], практически все статьи которого посвящены исламу в Сибири. Затем работы, так или иначе затрагивающие тематику сибирского ислама, идут непрерывным потоком. Тематически эти работы включают в себя публикацию документов, историографические и источниковедческие очерки, исторические и антропологические исследования [4–12]. Подводя промежуточный итог в 2009 г., Стефан Дюдуаньон [13] констатировал полноценное включение сибирских материалов в мировой исламоведческий процесс. Автор отметил формирование двух подходов к изучению ислама в Сибири – исторического и антропологического, и наличие двух школ – в Омске (Россия) и в Блумингтоне (Индиана, США) – в изучении этого феномена.

В последующие годы выходит серия монографических работ и большое количество статей, полностью или частично посвященных исламской проблематике в Сибири.

Публикации охватывают широкий круг вопросов: культ святых в сибирском исламе; книжная культура и религиозное образование; среднеазиатское (бухарское) влияние и роль религиозных элит среднеазиатского происхождения на формирование культурно-религиозной идентичности сибирских мусульман; исламский фактор политического развития средневековых государственных объединений Сибирского Юрта; мусульманский компонент в повседневном быту и традиционной культуре татар Сибири и др. [14; 15, с. 214–219; 16, с. 25–41, 159–180; 17, с. 7–13 сл.; 18; 18, с. 7–9 сл.; 20, с. 45–50; 21–23].

В целом, все эти сюжеты отражают культурное наследие, созданное и сохраненное многими поколениями мусульман в Сибири. Остановимся подробнее только на некоторых, наиболее наглядных примерах.

Связь Сибири с остальным исламским миром демонстрируют святилища астана, являющиеся ключевым элементом культа святых в исламе в Сибири. Культ святых – феномен, универсальный для всего исламского мира, но при этом всюду жестко отторгаемый представителями пуристских реформистских течений. К числу важнейших обстоятельств развития рассматриваемого культа следует отнести роль суфийских братств и вообще суфизма в этом процессе. Именно с суфийским влиянием связывается формирование религиозной элиты сибирской исламской общины. Как и повсюду в исламском мире, в Сибири содержание данного культа составил комплекс ритуальных действий, связанных с почитанием священных могил и захороненных на них святых подвижников.

Памятники астана распространены в основном в южных районах Тюменской и северных районах Омской области. В целом святилища находились на местах расселения тоболо-иртышской группы сибирских татар.

Внешне астана, как правило, представляет собой мавзолей в форме большого четырех-, шести- или восьмиугольного сруба в пять-девять венцов. Эти мавзолеи могут быть установлены на

деревенском кладбище либо вблизи него, а могут занимать отдельное место, чаще всего на возвышенном живописном речном утесе или на необычайно красивом озере. Впрочем, многоугольный сруб – не единственный вариант внешнего оформления таких святилищ. Некоторые из них могли «приурочиваться» к каким-либо выделяющимся на местности природным объектам (например, большие деревья, камни, возвышенности и т.д.) или археологическим памятникам разных эпох. Однако, какой бы ни была форма, содержание всегда одинаковое.

В сознании верующих астана – места захоронений мусульманских святых (йахшилар, аулийалар, амбийалар и хайбиреннер). Практически повсеместно сибирские татары сохранили легенды о древних миссионерах из Средней Азии (чаще всего Бухары), прибывших некогда в Прииртышье для распространения исламской веры. В преданиях повествуется об ожесточенной священной войне с местными язычниками, в ходе которой большая часть подвижников ислама была истреблена. Павших святых с почетом похоронили в тех местах, где они вели проповедническую деятельность. Эти захоронения и называются астана. Считается, что в каждом из них погребен один или несколько миссионеров.

Назвать точное число святых мест астана в Западной Сибири не представляется возможным. Это связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, работа по кодификации и картографированию данного вида памятников не проведена в полном объеме. Во-вторых, нужно иметь в виду, что культ святых – явление живое и динамичное. Развитие процессов этнической и религиозной идентификации сопровождается «открытием» и явлением в мир новых святынь и, таким образом, их число увеличивается.

Составленные на настоящий момент разными авторами списки культовых комплексов астана (а эти списки охватывают, в основном, памятники, расположенные на территории Тюменской области) насчитывают от полутора до двух с половиной десятков объектов [см., напр.: 24, с. 114–188; 25, с. 32–58]. Имеющиеся в краеведческой и околонушной литературе упоминания о 80 или даже 350 астана ничем не подтверждаются [26, с. 484]. В Тюменской области 25 памятников астана входят в перечень выявленных объектов культурного наследия [27]. К сожалению, в Омской области такая работа проведена не была.

На основании некоторых сибирско-татарских источников («Шаджара рисалесе», татарских рукописей, переведенных Н.Ф.Катановым, Карагайской рукописи, «Грамоты хранителя Юрумской астаны» и др.), иных исторических сочинений XVIII–XIX вв., а также генеалогических записей исследователями реконструируются родословные сибирских сеидов, ходжей и шейхов, выходцев из Средней Азии (Бухара, Ургенч, Сайрам), где их предки служили на высоких духовных и светских постах (хакимы, казии, муфтии), добровольно переселившихся в Сибирь (в районы Тобольска, Тары) во второй половине XVI–XVII вв. [28–32].

Собранные во время полевых исследований семейные предания и генеалогии также содержат информацию о появлении в Западной Сибири представителей исламской духовной элиты.

Так, по семейному преданию, зафиксированному нами в 2006 году в поселке Усть-Ишим Омской области, род Юмашевых принадлежит к духовному сословию шейхов – шихляр и, возможно, сеидов. Основатель рода – Саурчан – был шейхом (ших), прибывшим для распространения веры. Его сопровождали еще двое шейхов, но их имена неизвестны. Саурчан основал деревню, которая стала называться по его имени Саургачи. В семье сохранилась запись генеалогической линии. Напротив каждого из имен была дата рождения. Документ содержал запись 14 поколений, причем датой рождения основателя рода Саурана, от имени которого происходило и название деревни Саургачи, значился 1644 год.

Исследования С.Н.Корусенко выявили высокую степень достоверности данной схемы. Выяснилось, что по архивным материалам эта линия прослеживается до Наурусова Сеитбаги (Саитбаки Навризовича), имя которого упоминается в ревизии 1795 г.

Результаты научных исследований нашли практическое применение в популяризации историко-культурного наследия. В 2016 г. в Тобольском районе Тюменской области на территории историко-культурного комплекса «Кучумово городище» (Искер) была открыта аллея шейхов. Установлены четыре памятника реальным историческим личностям – шейхам Айкани, Бирий, Назар и Шерпети, известным из письменных источников и связанным с духовной жизнью и распространением ислама в Сибири.

С пришлыми бухарцами связывается распространение книжности в сибирском регионе. Открытие книжной культуры мусульман Сибири является одним из самых ярких и впечатляющих достижений сибирского исламоведения. Это открытие имеет длительную историю, восходящую к XVIII в. В XIX – начале XX вв. сибирско-татарскими рукописями занимались выдающиеся тюркологи мирового масштаба В.В.Радлов и Н.Ф.Катанов. Во второй половине XX в. сбор археографических материалов возобновился. Наиболее активно исследования книжной культуры проходили в начале XXI в. [33].

Изначально носителями мусульманской книжности в Западной Сибири были бухарцы – разноэтничные (преимущественно узбеки, таджики) выходцы из Средней Азии. Как отмечалось, они составляли в Сибири в XVII–XVIII вв. особое сословие, обладавшее большими правами и привилегиями [17, с. 17–48; 34, с. 397–399, 502–542; 20, с. 45–50; 35–36]. Бухарцы «... были более образованны, чем русские пришельцы. В XVII столетии они были единственными людьми в Сибири, в руках которых была книга. В XVIII столетии иностранцы, попавшие в Сибирь, нашли у них редкие рукописи» [37, с. 41].

Библиотеки арабографических рукописных и печатных книг и свитков, хранящиеся в деревенских домах среди глухой сибирской тайги, оказывают сильное впечатление. Эти собрания бережно собирались, сохранялись, передавались из поколения в поколение. Они и сейчас являются важным элементом культурной и религиозной самоидентификации мусульман Западной Сибири. Коллекции включают рукописные и старопечатные копии Корана, рукописные богословские сборники-хрестоматии, наставления по суфийским ритуалам и практикам.

Особый интерес вызывают оригинальные сибирско-татарские сочинения, составленные в местной среде и излагающие собственную версию исламизации Сибири. Наиболее полная информация содержится в двух группах письменных памятников, каждая из которых известна к настоящему времени в нескольких вариантах. Первая группа текстов условно названа Шаджара рисаласи – «Трактат о генеалогии». Впервые текст был зафиксирован и опубликован В.В.Радловым, а к настоящему времени известно пять списков и две версии памятника [38, с. 212–215, 217–220; 39, с. 51–61; 40–41].

Введение в научный оборот второй группы памятников началось с публикации Н.Ф.Катановым в начале XX столетия сибирско-татарской рукописи, хранившейся в Тобольском губернском музее (рукопись и ныне находится там же – в Тобольском государственном историко-архитектурном музее-заповеднике). К настоящему моменту известно свыше десятка списков данного текста в двух созданных, вероятно, в разное время редакциях – краткой и пространной. Один из списков – так называемая Карагайская рукопись (пространная редакция) – был открыт в ходе экспедиции под руководством А.Г.Селезнева в ауле Карагай Вагайского района Тюменской области в 2004 г.

Несмотря на имеющиеся различия, структура всех списков относительно едина. Согласно манускриптам (в данном случае, Карагайской рукописи), в 797 г. (1394–1395 гг. н.э.; дата условна, в некоторых списках приведена другая датировка событий) на берега Иртыша пришли 366 конных шейхов и выступивший с ними в союзе хан Шайбан с 1700 отборными воинами и учинили там «великое сражение за веру» с жившими по берегам Иртыша «язычниками» – народами Хутун, Нугай, Кара Кипчак и Иштяк. Прибывшие в Сибирь мусульманские миссионеры считались учениками и последователями Худжи Багаутдина. В образе этого персонажа большинство интерпретаторов видят Ходжу Бахааддина Накшбанда (1318–1389), заложившего организационные основы суфийского тариката, названного по его прозвищу Накшбандией. В результате религиозной войны местное население было обращено в ислам, но часть его бежала на север и в Китай. 300 шейхов и 1448 богатырей Шайбана погибли, «стяжав мученический венец», часть остались в Сибири для обучения основам ислама, а остальные вернулись в Бухару. «После этого открылась религия, открылась дорога, по берегам реки Джирс (Иртыш) прошли караваны. Ученые, худжи, ишаны начали приходить для обучения религии, все были из мистиков-суфиев». Важнейшей частью Карагайской рукописи, как и других версий текста, был каталог 30 мавзолеев-астана с указанием их расположения и имен захороненных там святых подвижников ислама.

Интересно, что ранние описания арабографических сибирско-татарских книг были выполнены по инициативе Русской православной церкви. Значительное количество материалов об этих книгах, датированных первой половиной XVIII столетия, сохранилось в архиве Тобольской Духовной Консистории. Появление этих материалов связано с попытками обращения в христианство сибирских татар-мусульман. Разумеется, эти материалы характеризует активная, хоть и весьма наивная антиисламская риторика. Но в то же время следует признать довольно высокий уровень описания внешнего вида «книжек», а также любопытные подробности их ритуального

применения: ношение «на грудях», помещение «в могилку», использование «от мертвых тел савана или покрывала обрезанные лоскутки с <...> заговорными на своем языке письмами...» и т.д. [42, л. 6, 111 об., 113 об., 109 об, 117 об.; 43, л. 31].

Нам неоднократно приходилось держать в руках манускрипты, которые соответствуют архивным записям, в той, например, части, где говорится о маргиналиях, выполненных красными чернилами. Подтверждаются современными материалами и ритуальные особенности функционирования манускриптов, связанная с ними обрядность, включенность их в религиозную культовую практику.

В советский период отношение государства к мусульманским книгам религиозного содержания носило враждебный характер. Власти конфисковывали и уничтожали рукописные книги в рамках борьбы против религиозной пропаганды. Верующие противодействовали этим акциям всеми возможными способами. Книги прятали, хоронили вместе с умершими владельцами, просто закапывали в лесу.

Сейчас уже почти никто из местных жителей не может прочесть эти книги, однако они активно используются в качестве ритуальных вотивных артефактов. Более того, именно невозможность прочесть и понять смысл текстов определяет их высокий уровень святости. Книги соединяют мусульман с традициями предков, являются сохранившимся культурным наследием, подчеркивающим связь времен и поколений. Эти артефакты рассматриваются как важный индикатор ассоциации с исламским сообществом, в некотором роде как символ возрождения ислама.

В настоящее время отношения между исламом как религией и местными культурными традициями неоднозначны. С одной стороны, многие мусульмане не видят противоречия между религией и своей этнической культурой. В этом варианте религиозные практики переплелись с местными традициями и воспринимаются населением как вполне исламские. С другой стороны, есть представление о том, что ислам как религия стоит над локальными культурными традициями и нужно освободить религию от влияния этих традиций. Обе точки зрения мы наблюдаем и у мусульман в Сибири.

Работа по изучению историко-культурного наследия сибирских мусульман продолжается. Главным итогом можно считать включение сибирских материалов в мировой научный дискурс. Распространение знаний об истории ислама в Сибири дает понимание того, что территория Сибири является частью мирового исламского сообщества. С другой стороны, эти материалы объясняют особенности формирования в Сибири анклав мусульман, важность регионального историко-культурного наследия для формирования локальной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bukharaev R. Islam in Russia: the Four Seasons.* – Richmond: Curzon Press, 2000. – 334 pp.

2. *Dudognion S. A.* (ed.) *En islam Siberian // Cahiers du monde russe.* – 2000. – N 41/2-3.
3. *Селезнев А. Г.* Об одном успешном международном проекте Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (к выходу в свет книжки *En islam siberian*. Paris: Edition de l'EHSS, 2000. 341–356 pp. (*Cahiers du monde russe*, 41/2-3) // *История и культура Сибири.* – Омск, 2001. – С. 120–128.
4. *Белич И. В.* О религиозных войнах учеников шейха Багауддина против инородцев Западной Сибири (к 100-летию публикации Н. Ф. Катановым рукописей Тобольского музея) // *Вестник археологии, антропологии и этнографии.* – 2005. – № 6. – С. 153–171.
5. *Ислам в истории и культуре Тюменского края.* – Тюмень: Экспресс, 2004. – 172 с.
6. *Ислам на краю света. История ислама в Западной Сибири: в 3 т.* – Тюмень: Колесо, 2007. – Т. 1. Источники и историография. – 417 с.
7. *Исхаков Д.* Введение в историю Сибирского ханства. – Казань: Ин-тут ист. АН РТ, 2006. – 196 с.
8. *Исхаков Д. М.* Ислам в позднезолотоордынских татарских ханствах // *Ислам в Среднем Поволжье: история и современность. Очерки.* – Казань, 2001. – С. 57–89.
9. *Исхаков Д. М., Измайлов И. Л.* Этнополитическая история татар (III – середина XVI вв.). – Казань: РИЦ «Школа», 2007. – 356 с.
10. *Корусенко М. А.* Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII–XX вв.: Опыт анализа структуры и содержания. – Новосибирск: Наука, 2003. – 192 с.
11. *Рахимов Р. Х.* Астана в истории сибирских татар: мавзолеи первых исламских миссионеров как памятники историко-культурного наследия. – Тюмень, 2006. – 62 с.
12. *Селезнев А. Г., Селезнева И. А.* Сибирский ислам: региональный вариант религиозного синкретизма. – Новосибирск: Ин-т археол. и этногр. СО РАН, 2004. – 72 с.
13. *Dudognion S. A.* *Islam in Siberia: Historical and Anthropological Aspects // Asiatic Russia: Partnerships And Communities In Eurasia.* – New Delhi: Shipra, 2009. – P. 80–86.
14. *Селезнев А. Г., Селезнева И. А., Белич И. В.* – М.: Марджани, 2009. – 211 с.
15. *Тычинских З. А.* Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). – Казань: Фэн, 2010. – 288 с.
16. *Исхаков Д. М.* Институт сейидов в улусе Джучи и позднезолотоордынских тюрко-татарских государствах. – Казань: Фэн, 2011. – 228 с.
17. *Корусенко С. Н.* Сибирские бухарцы в начале XVIII века. – Омск: Наука, 2011. – 248 с.

18. *Костюков В. П.* Улус Шибана Золотой Орды в XIII–XIV вв. Серия «История и культура Золотой Орды». – Вып. 11. – Казань: Фэн, 2010. – 200 с.
19. *Ярзуткина А. А.* Ритуалы достатка: традиционные земледельческие, скотоводческие и промысловые культы сибирских татар. – СПб.: Петерб. востоковедение, 2012. – 311 с.
20. *Frank A. J.* Bukhara and the Muslims of Russia: Sufism, Education, and the Paradox of Islamic Prestige. – Leiden, Boston: Brill, 2012. – 215 p.
21. *Корусенко М. А.* Мифология сибирских татар в символах образов и вещей (опыты прочтения) / *Корусенко М. А., Ожередов Ю. И., Ярзуткина А. А.* – СПб.: Петерб. востоковедение, 2013. – 256 с.
22. *Матвеев А. В., Татауров С. Ф.* Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. – Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2012. – 260 с.
23. *Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. – М.: Вост. лит., 2012. – 231 с.
24. *Алишина Х. Ч.* Ономастикон сибирских татар. – Тюмень: ТюмГУ, 1999. – Ч. 1. – 240 с.
25. *Рахимов Р. Х.* Астана в истории сибирских татар: мавзолеи первых исламских миссионеров как памятники историко-культурного наследия. – Тюмень, 2006.
26. *Белич И. В.* Особенности ислама у сибирских татар // История татар. – Т. 4. Татарские государства XV–XVIII вв. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2014. – С. 480–487.
27. Перечень объектов культурного наследия, включенных в реестр // Официальный портал органов государственной власти Тюменской области : [сайт]. – URL: http://admtumen.ru/ogv_ru/society/culture/object.htm (дата обращения: 06.09.2021).
28. *Бакиева Г. Т.* Быть в Тобольске в татарских головах...» : из истории рода служилых татар Кульмаметьевых // Сибирские исторические исследования. – 2015. – № 4. – С. 10–29.
29. *Бустанов А. К., Корусенко С. Н.* Родословные сибирских бухарцев: Имьяминовы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 2 (42). – С. 97–105.
30. *Бустанов А. К., Корусенко С. Н.* Родословные сибирских бухарцев: Шиховы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 4 (60). – С. 136–145.
31. *Самигулов Г. Х., Тычинских З. А.* Новые источники по истории мурз Кульмаметьевых // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2018. – № 1 (40). – С. 99–107.
32. *Bustanov A.* Notes on the Yasaviya and Naqshbandiya in Western Siberia in the 17th – Early 20th Centuries // *Niccolo Pianciola and Paolo Sartori* (Eds.) Islam, society and states across the Qazaq steppe (18th – early 20th centuries). – Wien: Osterreichische Akademie der Wissenschaften, 2013. – Pp. 69–93.
33. *Бустанов А. К.* Книжная культура сибирских мусульман. – М.: Марджани, 2013. – 264 с.

34. *Burton A.* The Bukharans: A Dynastic, Diplomatic and Commercial History 1550–1702. – Richmond: Curzon Press, 1997. – 664 pp.
35. *Inan A.* Sibirya'da islâmiyetin yayılışı // Türk Tarih Kurumu Yayınlarından. – 1968. – Ser. 7. – Sa. 50. Pp. 331–338.
36. *Noack Ch.* Die sibirischen Bucharioten – eine muslimische Minderheit unter russischer Herrschaft // Cahiers du monde russe. – 2000. – N 41/2-3. – Pp. 263–278.
37. *Потанин Г. Н.* Завоевание и колонизация Сибири // Живописная Россия. – 1884. – Т. 11. – С. 31–48.
38. *Радлов В. В.* Образцы народной литературы тюркских племен. Ч. 4. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. – СПб., 1872. – 411 с.
39. *Катанов Н.* Предания тобольских татар о прибытии в 1572 г. мухаммеданских проповедников в г. Искер // Ежегодник Тобольского губернского музея, 1897. – Вып. 7. – С. 51–61.
40. *Бустанов А. К.* Семейная хроника сибирских сайидов: Шаджара Рисаласи : текст, перевод, комментарии // Ислам в современном мире. – 2009. – № 1–2 (13–14). – С. 45–61.
41. *Bustanov A.* The Sacred Texts of Siberian Khwaja Families, The Descendants of Sayyid Ata // Journal of Islamic Manuscripts. 2011. – Vol. 2. Pp. 70–99.
42. ГБУТО «ГА в г.Тобольске». Ф. 156. Оп. 1. Д. 2001.
43. ГБУТО «ГА в г.Тобольске». Ф. 156. Оп. 1. Д. 772.

Селезнева Ирина Александровна,

кандидат исторических наук, доцент,

директор Сибирского филиала Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева (Омск).

Email: ir_selez@mail.ru

Selezneva I.

Islamic historical and cultural heritage in Western Siberia

Abstract. *The issues related to the peculiarities of the history of Islam in Western Siberia are considered in the article. Materials describing the phenomenon of the book culture of Muslims in Western Siberia, the traditions of creating and ritual use of local Islamic religious texts are presented here. The actualization and "discovery" of sacred places, the strengthening of the role of religious elites, the sacralization of handwritten and old printed religious books are considered as factors of the formation of Islamic religious identity and important elements of historical and cultural heritage created and preserved by many generations of Muslims in Siberia.*

Key words: *Islam, Western Siberia, cult of saints, cultural heritage, monuments, manuscripts, traditions.*

Selezneva Irina Alexandrovna,

Ph.D. in History, Associate Professor,

Siberian branch of the Russian Scientific Research Institute for Cultural
and Natural Heritage named after D.Likhachev (Omsk).

Email: ir_selez@mail.ru

© Селезнева И.А., 2021.

Статья поступила в редакцию 20.11.2021.

URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/554.html&j_id=49